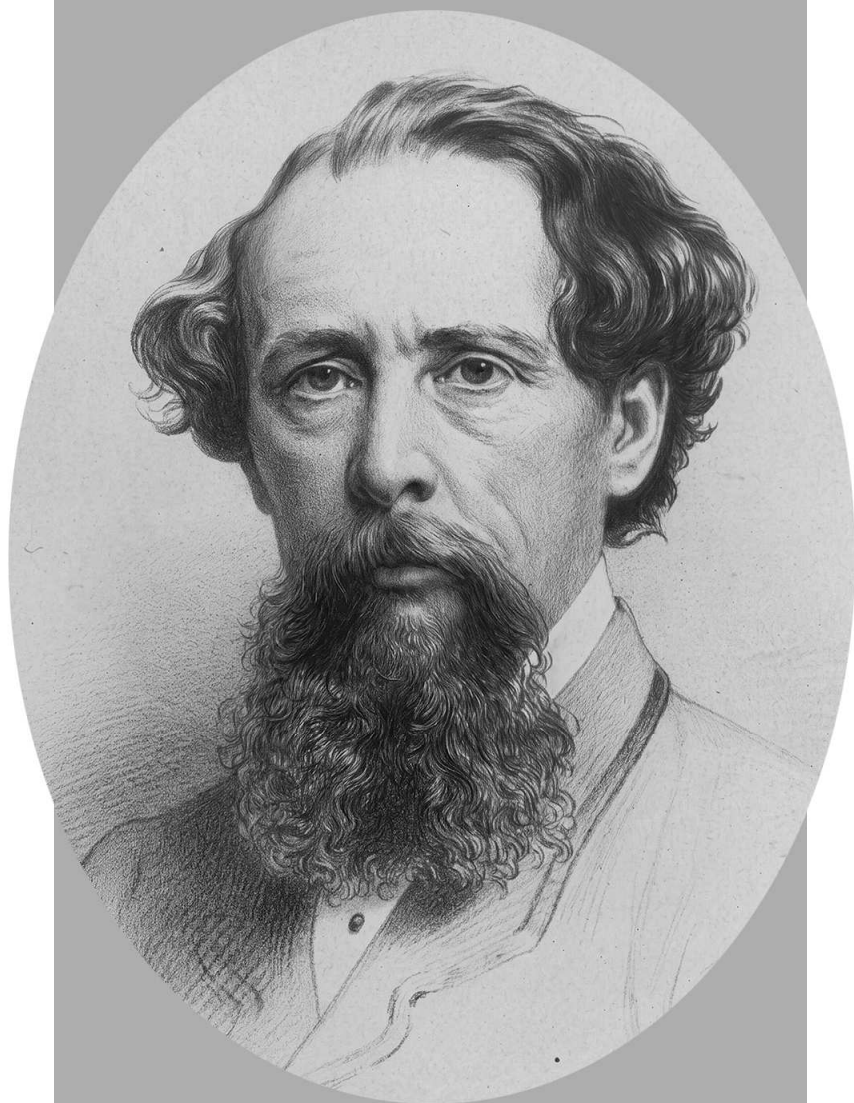

Элегантная классика

Повесть о двух городах

Чарльз
Диккенс

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Charles Dickens
A TALE OF TWO CITIES

Перевод с английского
С. Боброва, М. Богословской

Художественное оформление переплета
Натальи Каиштыкиной

Диккенс, Чарльз.

Д45 Повесть о двух городах / Чарльз Диккенс ; [перевод с английского С. Боброва, М. Богословской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-238882-8

«Повесть о двух городах» — самый популярный роман Чарльза Диккенса и безусловный бестселлер в англоязычных странах с тиражом более 200 млн экземпляров, неоднократно экранизированный.

Революционный кровавый Париж и внешне спокойный Лондон, упорная ненависть и преданная любовь, «дни веры и дни безверия», «пора света и пора тьмы», высший свет и самое «дно» общества — трагическое столкновение разных миров.

В центре повествования Чарльз Дарней, французский аристократ, отказавшийся от своего наследия ради справедливости, и Сидни Картон, англичанин, чья внешняя небрежность скрывает благородство и силу духа. Их судьбы переплетаются благодаря любви к одной женщине — Люси Манетт, дочери бывшего узника Бастилии.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-04-238882-8

© Богословская М., Бобров С., перевод
на русский язык. Наследники, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие автора

Идея этой повести впервые возникла у меня, когда я с моими детьми и друзьями участвовал в домашнем спектакле, в пьесе Уилки Коллинза «Застывшая пучина». Мне очень хотелось войти по-настоящему в роль, и я старался представить себе то душевное состояние, которое я мог бы правдиво передать, дабы захватить зрителя.

По мере того как у меня складывалось представление о моем герое, оно постепенно облекалось в ту форму, в которую и вылилось окончательно в этой повести. Я поистине перевоплотился в него, когда играл. Я так остро пережил и почувствовал все то, что выстрадано и пережито на этих страницах, как если бы я действительно испытал это сам.

Во всем, что касается жизни французского народа до и во время Революции, я в своих описаниях (вплоть до самых незначительных мелочей) опирался на правдивые свидетельства очевидцев, заслуживающих безусловного доверия.

Я льстил себя надеждой, что мне удастся внести нечто новое в изображение той грозной эпохи, живописав ее в доступной для широкого читателя форме, ибо, что касается ее философского раскрытия, вряд ли можно добавить что-либо к замечательной книге мистера Карлейля.

Книга первая

Возвращен к жизни

ГЛАВА I

То время

Э то было самое прекрасное время, это было самое зло-
счастное время, — век мудрости, век безумия, дни
веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна на-
дежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди
ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обруши-
вались в преисподнюю, — словом, время это было очень
похоже на нынешнее, и самые горластые его представители
уже и тогда требовали, чтобы о нем — будь то в хорошем или
в дурном смысле — говорили не иначе как в превосходной
степени.

В то время на английском престоле сидели король с тя-
желой челюстью и некрасивая королева; король с тяжелой
челюстью и красивая королева сидели на французском пре-
столе. И в той и в другой стране лорды, хранители земных
благ, считали незыблемой истиной, что существующий по-
рядок вещей установлен раз и навсегда, на веки вечные.

Стояло лето господне тысяча семьсот семьдесят пятое.
В ту благословенную пору Англия, как и ныне, сподобилась
откровения свыше. Миссис Сауткотт только что исполни-
лось двадцать пять лет, и по сему случаю некоему рядово-
му лейб-гвардии, наделенному пророческим даром, было

видение, что в оный знаменательный день твердь земная разверзнется и поглотит Лондон с Вестминстером. Да и кок-лейнский призрак утомился всего лишь каких-нибудь двенадцать лет, не больше, после того как он, точь-в-точь как наши прошлогодние духи (проявившие сверхъестественное отсутствие всякой изобретательности), простучал все, что ему было положено. И только совсем недавно от конгресса английских подданных в Америке до английского престола и народа стали доходить сообщения на простом, человеческом языке о вполне земных делах и событиях, и, сколь это ни странно, оные сообщения оказались чреваты много более серьезными последствиями для человечества, нежели все те, что поступали от птенцов кок-лейнского выводака.

Франция, которая не пользовалась таким благоволением духов, как ее сестрица со щитом и трезубцем, печатала бумажные деньги, транжирила их и быстро катилась под гору. Следуя наставлениям своих христианских пастырей, она, кроме того, изощрялась в высокочеловеколюбивых подвигах; так, например, одного подростка приговорили к следующей позорной казни: ему отрубили обе руки, вырвали клещами язык, а потом сожгли живьем за то, что он не преклонил колен в слякоть перед кучкой грязных монахов, шествовавших мимо него на расстоянии пятидесяти шагов. Не лишено вероятности, что в ту пору, когда предавали казни этого мученика, где-нибудь в лесах Франции и Норвегии росли те самые деревья, уже отмеченные Дровосеком Судьбой, кои предрешено было срубить и распилить на доски, дабы сколотить из них некую передвижную машину с мешком и ножом, оставившую по себе страшную славу в истории человечества. Не лишено вероятности, что в убогом сарае какого-нибудь землепашца, под Парижем, стояли в тот самый день укрытые от непогоды, грубо сколоченные телеги, облепленные деревенской грязью — на них, как на насесте, сидели куры, а тут же внизу копошились свиньи, — и Хозяин Смерть уже облюбовал их как собственные двукол-ки Революции. Но эти двое — Дровосек и Хозяин — хоть они

и трудятся не переставая, но трудятся оба беззвучно, и никто не слышит, как они тихо шагают приглушенными шагами, а если бы кто и осмелился высказать предположение, что они не спят, а бодрствуют, такого человека тотчас же объявили бы безбожником и бунтовщиком.

Англия гордилась своим порядком и благоденствием, но на самом деле похвастаться было нечем. Даже в столице каждую ночь происходили вооруженные грабежи, разбойники врывались в дома, грабили на улицах; власти советовали семейным людям не выезжать из города, не сдав предварительно свое домашнее имущество в мебельные склады; грабитель, орудовавший ночью на большой дороге, мог оказаться днем мирным торговцем Сити; так однажды некий купец, на которого ночью напала разбойничья шайка, узнал в главаре своего собрата по торговле и окликнул его, тот предупредительно всадил ему пулю в лоб и ускакал; на почтовую карету однажды напало семеро, троих кондуктор уложил на месте, а остальные четверо уложили его самого — у бедняги не хватило зарядов, — после чего они преспокойно ограбили почту; сам вельможный властитель города Лондона, лорд-мэр, подвергся нападению на Тернемском лугу, какой-то разбойник остановил его и на глазах у всей свиты обобрал дочиста его сиятельную особу; узники в лондонских тюрьмах вступали в драку со своими тюремщиками и блюстители закона умирляли их картечью; на приемах во дворце воры срезали у благородных лордов усыпанные бриллиантами кресты; в приходе Сент-Джайлса солдаты врывались в лачуги в поисках контрабанды, из толпы в солдат летели пули, солдаты стреляли в толпу, — и никто этому не удивлялся. В этой повседневной сутолоке беспрестанно требовался палач, и хоть он работал не покладая рук, толку от этого было мало; то вздергивал он рядами партии осужденных преступников, то под конец недели, в субботу, вешал попавшегося во вторник громилу, то клеймил дюжинами заключенных Ньюгетской тюрьмы, то перед входом в Вестминстер жег на костре кучи памфлетов; нынче он каз-

нит гнусного злодея, а завтра несчастного воришку, стянувшего медяк у деревенского батрака.

Все эти происшествия и тысячи им подобных, повторяясь изо дня в день, знаменовали собой дивный благословенный год от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят пятый. И меж тем как в их сомкнутом круге неслышно трудились Дровосек и Хозяин, те двое с тяжелыми челюстями и еще двое — одна некрасивая, другая прекрасная собою, шествовали с превеликой пышностью, уверенные в своих божественных правах. Так сей тысяча семьсот семьдесят пятый год вел предначертанными путями и этих Владык и несметное множество ничтожных смертных, к числу коих принадлежат и те, о ком повествует наша летопись.

ГЛАВА II

На почтовых

В пятницу поздно вечером в самом конце ноября перед первым из действующих лиц, о коих пойдет речь в нашей повести, круто поднималась вверх дуврская проезжая дорога. Дороги ему, собственно, не было видно, ибо перед глазами у него медленно тащилась, взбираясь на Стрелковую гору, дуврская почтовая карета. Хлюпая по топкой грязи, он шагал рядом с каретой вверх по косогору, как и все остальные пассажиры, не потому, что ему захотелось пройтись, вряд ли такая прогулка могла доставить удовольствие, но потому, что и косогор, и упряжь, и грязь, и карета — все это было до того обременительно, что лошади уже три раза останавливались, а однажды, взбунтовавшись, потащили карету куда-то вбок, поперек дороги, с явным намерением отвезти ее обратно в Блэкхиз. Но тут вожжи и кнут, кондуктор и кучер, все сразу принялись внушать бедным

клячам некий параграф воинского устава, дабы пресечь их бунтарские намерения, кои вполне могли бы служить доказательством того, что иные бессловесные твари наделены разумом: лошадки мигом смирились и вернулись к своим обязанностям.

Понутив головы, взмахивая хвостами, они снова поплелись по дороге, спотыкаясь на каждом шагу и с такими усилиями выбираясь из вязкой грязи, что при каждом рывке казалось — они вот-вот развалятся на части. Всякий раз, как кучер, дав им передохнуть, тихонько покрикивал «нно-но двигай!» — коренная из задней пары отчаянно мотала головой и всем, что на нее было нацеплено, и при этом с такой необыкновенной выразительностью, как если бы она всеми силами давала понять, что втащить карету на гору нет никакой возможности. И всякий раз, как коренная поднимала этот шум, пассажир, шагавший рядом, сильно вздрагивал, словно это был чрезвычайно нервный человек и его что-то очень тревожило.

Все ложбины кругом были затянуты туманом, он стлался по склонам, ощупью пробираясь вверх, словно неприкаянный дух, нигде не находящий приюта. Липкая, пронизывающая мгла медленно расползалась в воздухе, поднимаясь с земли слой за слоем, словно волны какого-то тлетворного моря. Туман был такой густой, что за ним ничего не было видно, и свет фонарей почтовой кареты освещал только самые фонари да два-три ярда дороги, а пар, валивший от лошадей, так быстро поглощался туманом, что казалось — от них-то и исходит вся эта белесая мгла.

Еще двое пассажиров, кроме уже описанного нами, с трудом тащились в гору рядом с почтовой каретой. Все трое были в высоких сапогах, все трое закутаны по уши. Ни один из троих не мог бы сказать, каков на вид тот или другой из его спутников; и каждый из них старался укрыться не только от телесного, но и от духовного ока обоих других. В те времена путешественники избегали вступать в разговоры с незнакомыми людьми, ибо на большой дороге всякий мог оказаться

грабителем или быть в сговоре с разбойничьей шайкой. Да и как же тут не опасаться: на каждом почтовом дворе, в каждой придорожной харчевне у предводителя шайки имелся свой человек на жалованье — либо сам хозяин, либо какой-нибудь неприметный малый на конюшне.

Так рассуждал сам с собой кондуктор дуврского дилижанса в тот поздний час, в пятницу, в конце ноября тысяча семьсот семьдесят пятого года, стоя на своей подножке позади кареты, медленно взбиравшейся на Стрелковую гору; постукивая ногой об ногу, он держался рукой за стоявший перед ним ящик с оружием, с которого он не спускал глаз; на самом верху ящика лежал заряженный мушкет, под ним семь заряженных седельных пистолетов, а на дне навалом целая куча тесаков.

Дуврский почтовый дилижанс пребывал в своем обычном, естественном для него состоянии, а именно: кондуктор с опаской поглядывал на седоков, седоки опасались друг друга и кондуктора; каждый из них подозревал всех и каждого, а кучер не сомневался только в своих лошадях, ибо тут он мог с чистой совестью поклясться на Ветхом и Новом Завете, что эти клячи для такого путешествия непригодны.

— Нно-но! — крикнул кучер. — Ну-ка, еще раз понатужимся, только бы наверх вылезти, и черт вас возьми совсем, пропади вы пропадом! Замучился я с вами, окайнные!.. Эй, Джо!

— Чего? — откликнулся кондуктор.

— Который теперь час, по-твоему? А, Джо?

— Да уж верно больше одиннадцати... минут десять двенадцатого будет.

— Тьфу, пропасть! — воскликнул с досадой кучер. — А мы все еще не одолели Стрелковую гору! Но! Но! Пошли! Давай! Но, говорят вам!

Красноречивую лошадь, которая, решительно отказываясь тащить карету, отчаянно мотала головой, огрели кнутом, после чего она столь же решительно рванула вперед и три остальные покорно последовали за ней. И дуврская почтовая

карейта снова поползла в гору, и сапоги пассажиров рядом с ней снова захлопали по грязи. Когда карета останавливалась, они тоже останавливались, а как только она трогалась с места, они старались не отставать от нее ни на шаг. Если бы кто-нибудь из троих осмелился предложить кому-либо из своих спутников пройти хоть немножко вперед, — туда, в темноту, в туман, — его, вероятно, тут же пристрелили бы как разбойника.

Последним рывком лошади втащили карету на вершину горы. Здесь они стали, еле переводя дух, кондуктор спрыгнул со своей подножки, затормозил колесо перед спуском под гору, потом отворил дверцу кареты, чтобы впустить пассажиров.

— Тсс!.. Джо! — опасливо окликнул его кучер, глядя куда-то вниз с высоты своих козел.

— Ты что, Том?

Оба прислушались.

— По-моему, кто-то трусит в гору, а, Джо?

— А по-моему, кто-то мчится во весь опор, Том! — ответил кондуктор и, бросив дверцу, проворно вскочил на свое место. — Джентльмены! Именем короля! Все как один!

С этим поспешным заклинанием он взвел курок своего мушкета и приготовился защищаться.

Пассажир, который занимает немалое место в нашем повествовании, уже ступил на подножку и нагнулся, чтобы войти в карету, а двое других стояли рядом внизу, готовясь последовать за ним. Он так и остался стоять на подножке, втиснувшись одним боком в карету, а те двое стояли, не двигаясь, внизу. Все они переводили глаза с кучера на кондуктора, с кондуктора на кучера и прислушивались. Кучер, обернувшись, смотрел назад; и кондуктор глядел назад, и даже красноречивая коренная, повернув голову и насторожив уши, смотрела назад, не вступая ни в какие пререкания.

Тишина, наступившая, как только прекратился грохот кареты, слилась с тишиной ночи, и сразу стало так тихо, точно все кругом замерло. От тяжелого дыхания лошадей карета